
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ

УДК: 159.9

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ¹⁾

© 2018 г. А. Л. Журавлев^{1,*}, И. А. Мироненко^{2,**}, А. В. Юревич^{1,***}

¹ФГБУН Институт психологии РАН, 129366, г. Москва, ул. Ярославская, 13, Россия

²ФГБОУВО Санкт-Петербургский государственный университет;

199304, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская набережная, 7–9, Россия

*Академик РАН, научный руководитель Института психологии РАН. E-mail: adm3@psychol.ras.ru

**Доктор психологических наук, профессор факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: mironenko.irina1@gmail.com

***Член-корреспондент РАН, доктор психологических наук, профессор, заместитель директора Института психологии РАН. E-mail: av.yurevich@mail.ru

Поступила 13.11.2017

Аннотация. Анализируется процесс формирования глобальной науки в современном мире, предполагающий как появление новых объектов и предметов исследований, так и изменение совокупного субъекта исследовательской деятельности — научного сообщества. Показывается, что глобализация психологической науки включает не только процессы *интеграции*, но и процессы *дифференциации* мировой науки, в ходе которых подвергаются сомнению устоявшиеся в мейн-стриме второй половины XX века теоретические представления о человеческой природе и методологические основания этих теорий. Рассматривается формирование глобальной психологии как *многополюсного сетевого образования* не в качестве единого теоретического течения, а скорее, как дивергентное развитие новых и переосмысленных старых психологических теорий в попытках дать объяснение современным эмпирическим реалиям, порождаемым современным миром. Предлагается глобальную психологическую науку определить как этап в ее развитии, порожденный новой реальностью, для описания которой лишь ограниченно годятся старые теории. При этом дискурс глобальной психологии направлен на становление научной дисциплины, способной адекватно ответить на вызовы времени, отразить психологию ныне живущего человека. Отмечается, что в зарубежной науке он в целом позитивно воспринимается в контексте становления новых школ, роста их разнообразия и освобождения от необходимости следовать устаревшим теориям. Представляется, что для российской науки необходим отказ от изоляционистских тенденций, активное участие в диалоге, развитие сотрудничества и интеграция на новом этапе развития мировой науки. Делается вывод о том, что в сети глобальной науки российская психология может занять достойное место, обладая серьезным теоретико-методологическим базисом и знанием психологических особенностей многомиллионного народа. В то же время, российская психология может и должна сохранить свою специфичность, потому что именно своей уникальностью она может быть интересна и полезна, а значит — востребована.

Ключевые слова: глобальная психология; “туземные” психологии (Indigenous Psychologies (IPs)); новизна объектов и предметов исследования психологии в глобальном мире; научное психологическое сообщество; интеграция и дифференциация мировой науки; место и роль российской психологии в мировой науке.

DOI: 10.7868/S020595921802006X

¹⁾ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, грант № 17-06-50086 “Академическая интеграция в контексте становления глобальной психологии: вызовы и перспективы”.

В глобальном мире, где действуют транснациональные организации, социальные институты и процессы, а люди активно перемещаются из страны в страну, культура народов с неизбежностью приобретает новые черты. Наука как часть культуры, приспосабливаясь к новым условиям существования, закономерно изменяется, постепенно становится *глобальной*, что предполагает формирование как новых объектов и предметов исследований, так и изменение совокупного субъекта исследовательской деятельности — научного сообщества.

Наряду с общими закономерностями происходящих перемен, для каждой науки имеются и специфические. Для естественных наук на первый план выходит интеграция национальных наук в единую мировую, в основе которой лежат деятельность международных организаций и межнациональные связи научных институтов, а также неформальные контакты и совместная работа ученых из разных стран, что подчеркивается рядом ученых [8, с. 146].

Для наук гуманитарного профиля процессы интеграции существенно осложняются выраженной культурной опосредованностью как со стороны предмета, так и со стороны субъекта исследований. Если еще четверть века назад можно было говорить о глобализации как об общем распространении в мире западных культурных стандартов и норм, то сегодня стало очевидным, что такое представление является несостоятельным. Ведущей чертой глобализации становится возникновение многополюсной мировой системы и рост культурного разнообразия.

Для психологии движение к глобализации по-разному протекает в различных регионах и в существенной степени оказалось окрашенным “протестными” тенденциями сопротивления гегемонии западноцентрического мейнстрима, в котором после Второй мировой войны доминировала американская традиция.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ В АЗИАТСКОМ РЕГИОНЕ И СТРАНАХ АФРИКИ

В азиатском регионе и в странах Африки основной формой движения в данном направлении стало развитие так называемых “туземных” психологий (Indigenous Psychologies (IPs) или Indigenized Psychologies (IZPs)). Интенсивный экономический и политический рост азиатских стран, где зародился проект IPs, рост национального самосознания, послужили толчком к критике западных

психологических теорий. Энрикес, один из основателей движения IPs на Филиппинах, объяснял, что оно направлено “...против психологии, которая поддерживает статус сознания филиппинца” [19, с. 155]. Аналогичного мнения придерживаются и другие исследователи, утверждая, что “массовый импорт западной психологии в Азию представляет собой форму культурного империализма, который закрепляет здесь колониальную форму сознания” [23, с. 89]. Основным аргументом авторов, разрабатывающих IPs, стала непригодность западных теорий для объяснения и прогнозирования поведения и деятельности местных жителей, понимания их психического склада. Это доказывает необходимость рассматривать психологические проблемы людей в контексте культуры той общности, к которой они принадлежат, и их реального бытия в конкретном социуме. В русле этого направления ставится общая задача “...развития системы научного знания, которая бы эффективно отражала, описывала и объясняла психическую деятельность и поведение в естественных контекстах и в культурно-релевантных терминах...” [43, с. 245–246]. Проект IPs быстро приобрел и сохраняет большую популярность. В 1999 г. высокорейтинговый журнал “Прикладная психология (Applied Psychology)” подготовил специальный выпуск, посвященный IPs. В 2005 г. вышел посвященный ему специальный выпуск Азиатского журнала по социальной психологии (Asian Journal of Social Psychology). Были опубликованы две коллективных монографии, посвященные IPs, под редакцией таких авторитетных ученых как Ким и Берри [27; 28].

В рамках данного направления собран большой массив эмпирических данных, в основном описывающих отличия психологических характеристик отдельных групп населения азиатских и африканских стран от данных, представленных в западном мейнстриме. Эти исследования, составляющие большую долю IPs, фактически сливаются с кросскультурной психологией. В отношении того, как соотносятся IPs и кросскультурная психология, в литературе встречаются различные позиции такие, как: IPs и кросскультурная психология являются взаимодополняющими дисциплинами [27]; IPs является частью кросскультурной психологии [23; 20]; кросскультурная психология является частью IPs [43]. В целом же можно согласиться с утверждением, что по своему содержанию работы, относимые к IPs и к кросскультурным исследованиям, фактически ничем не отличаются [26]. И в том, и в другом направлениях доминирует сравнительный подход.

Предполагается, что такие исследования помогут обнаружить некие “универсалии”, составляющие основу человеческой психики во всех ее культурных вариантах, и, таким образом, продвинуться к созданию “универсальной”/глобальной по своему предмету психологии, не только отражающей характеристики представителя западной культуры, фиксированные в теориях западной психологии, но и применимой в контексте любой культуры. Западному мейнстриму психологии при таком подходе придается статус лишь одной из IPs [15]. В этом смысле утверждается, что все психологические теории являются “туземными” (IPs), так как созданы в русле какой-то одной определенной культуры [30].

Парадоксальным образом данное направление IPs, выступая под лозунгом критики западных теорий, новых не выдвинуло. Фокусируясь на проведении эмпирических исследований с целью выявления различий между психологическими характеристиками местного населения по сравнению с данными, представленными в западном мейнстриме, приверженцы данного направления, в основном опираются на методический аппарат и инструментарий, разработанные на западе. На этом противоречии базируется растущая критика IPs теорий, в контексте которой звучат уже утверждения, что они являются тупиковыми [26].

Отметим еще один парадокс в развитии IPs: возникшее под лозунгом критики западного мейнстрима за игнорирование культурных особенностей, это направление фактически выявляет “общечеловеческие” характеристики через снятие культурной специфичности. В русле всего обширного потока исследований IPs доминирует представление о *глобальной* психологии как о психологии *универсальной* и *общечеловеческой* (universal/global psychology), что объясняет явно и неявно проявляемые здесь тенденции сближения с *эволюционной психологией* (в той форме, в которой она представлена в современном западном мейнстриме). Сторонники последней полагают, что психические механизмы жизнедеятельности человека сложились в далеком прошлом, когда происходил процесс образования вида современного человека, и навечно закреплены генетически. Естественно, при таком подходе большое значение приобретает исследование той среды, в которой обитал человек на заре своего существования — так называемой *Среды Эволюционной Адаптации* (СЭА) — и в процессе приспособления к которой он формировался. В литературе этого направления интенсивно обсуждается, какой была эта среда, какие задачи необходимо было решать нашим предкам для

того, чтобы выжить в ней. Несоответствие СЭА и условий жизни в современном мире полагают причиной большинства неврозов и кризисов современного человека. Эволюционная психология активно взаимодействует со *сравнительной психологией* и *этологией*, из описаний жизни современных нам приматов заимствуя материал для гипотетических реконструкций СЭА.

Следует отметить, что в России эволюционная психология зародилась существенно раньше, чем на Западе, и ее развитие происходило на иной теоретико-методологической основе и в ином направлении. Эволюционная теория Дарвина обрела большую популярность в России еще до Октябрьской революции 1917 г., причем с самого начала ее понимание и интерпретация отличались от предлагаемых западными учеными, о чем прямо пишут их современные последователи. Они отмечают, что, если в западном научном сообществе теория Дарвина непосредственно связывалась с идеями Мальтуса, то в России мальтузианство никогда не получало распространения и не связывалось с дарвинизмом [37].

После Октябрьской революции теория Дарвина становится особенно актуальной и социально востребованной. Дух и буква этой теории как нельзя лучше соответствовали идеологическим установкам советской власти, провозгласившей целью сформировать “нового человека”. На вооружение берутся два основных положения теории Дарвина: вид изменяется, и направление изменений определяется внешними средовыми условиями.

На основе такого подхода развивалась отечественная сравнительная психология в советский период, являясь по сути российской школой эволюционной психологии. Предметом изучения здесь было закономерное, закрепляемое как прижизненно, так и наследственно, изменение поведения и психики в результате смены условий обитания. Главным предметом интереса советских ученых была проблема специфичности человеческой психики, ее отличие от психики животных. В основу понимания данного отличия как радикального и качественного была положена теория К. Маркса, которая парадоксальным образом соединяет в себе последовательную естественнонаучность и социоцентризм. Человек в теории Маркса рассматривается, с одной стороны, как результат эволюции животного мира, поведение которого определяется законами природы. С другой стороны, взаимодействие человека с природой опосредуется специфическим, тоже закономерно в эволюции возникшим, образованием (социумом, культурой), которое преломляет человеческое

развитие в культурно заданном направлении. Таким образом, направление, в котором действует естественный отбор, теперь определяется востребованностью обществом тех или иных качеств, не обязательно биологически полезных. Представление о продолжающейся, непрерывной, эволюции человека сыграло важную роль в развитии парадигмы советской психологии. Так, Б.Г. Ананьев прямо утверждает, что биологическая эволюция человека, в частности, эволюционные изменения сенсорно-перцептивных систем, непрерывно продолжаются, следуя за развитием цивилизационных изменений среды обитания, появлением новых “орудий”, опосредствующих деятельность человека во всех ее формах, в том числе перцептивную и мыслительную деятельность. Ананьев считал, что путь достижения человеком гармонии (как внутренней, так и в отношениях с внешним миром) — это его *специализированное развитие*, а именно: его становление как субъекта деятельности [1].

Оптимистичный взгляд Ананьева в этом отношении разительно отличается от представления, распространенного в западной психологической традиции, согласно которой гармония — это состояние, присущее человеку от природы и утрачиваемое в результате приспособления к требованиям жизни в обществе. Такой взгляд ярко выразил, например, К.Г. Юнг, который полагал, что в силу особенностей нашей цивилизации развитие человека идет по линии специализации только одной из его функций, которая обычно определяет место в обществе, имея в виду род его основных занятий. Эта функция, чаще всего наиболее развитая от природы, приобретает высокодифференцированный, сознательный характер. Однако усиленное и одностороннее развитие одной функции приводит к угнетению другой, ей противоположной, которая вытесняется в область бессознательного, становясь архаической, примитивной, недифференцированной. Такое развитие Юнг считал причиной внутреннего разлада, драматической расколотости души человека и сравнивал с мучительной раной.

Помимо направления IPs, развиваемого в русле кросскультурной психологии, имеют место разработки IPs на стыке с культурологией, в русле так называемой *культурной психологии* [21; 34; 40; 42]. В этих исследованиях доминируют “качественные” методы. Их авторы часто обращаются к духовным практикам и религиозным учениям, в свете которых анализируется психический склад представителей отдельных общностей, в частности, к буддизму и даосизму [25; 36]. Так, К.К. Хонг (Hwang) усматривает в основе теорий китайской

психологии влияние конфуцианства. На этой основе он предлагает свои теоретические модели социального взаимодействия, которые, по его мнению, могут применяться и в контексте других культур, то есть им может быть придан универсальный характер [24]. Исследователи, работающие в русле культурной психологии, часто обращаются к популярной в современных культурологических исследованиях *семиотике*. Такой подход находит применение, в частности, в актуальных исследованиях развития образования в мультикультуральном мире [22].

В данном “культуральном” направлении IPs также доминирует стремление к поиску неких универсалий, относительно которых могут описываться и оцениваться психологические особенности представителей отдельных культур [42]².

ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЗАПАДНОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Западноцентрический мейнстрим, в свою очередь, отнюдь не является однородным по своим культурным основаниям. В нем существуют тенденции, направленные на преодоление сложившегося в психологии после Второй мировой войны тотального доминирования американской научной традиции. Критикуется их несоответствие местным особенностям и *общая методология*, которой приписывается чрезмерное увлечение количественными методами, коллекционированием фактов (“квантофрения” и “нумерология”), и отсутствие *целостного понимания предмета*. Высказывается точка зрения, что необходимо возвращение к “немецкой традиции”, доминировавшей в психологии в довоенный период [38; 41].

Начиная с конца 80-х годов XX столетия, процессы глобализации набирают силу, и ситуация в мире быстро меняется. Уже в 1994 г. известный американский психолог К. Данziger в своей широко цитируемой статье писал, что, если мировая психология большей части второй половины XX века “была во всех отношениях американской наукой” [17, с. 476], то “современная психология возвращается к своему изначальному состоянию: полицентрическая структура, где работа различных, но взаимодействующих между собой центров отражает многообразие локальных традиций

² Интересно, что в работах российской школы обосновывается прямо противоположная позиция: принципиальная несводимость одного языка к другому [11].

и условий развития психологической науки” [17, с. 477].

В XXI столетии *многополюсность* мировой психологии становится все более выраженной. В 2000 г. библиографическая и реферативная база Скопус (Scopus) включала 682 периодические издания по психологии³, из них: 366 выпускались в США (54%), 276 — в Западной Европе (41%), общая доля Северной Америки и Западной Европы составляла 95.5%. Шесть изданий выпускались в Восточной Европе (из них 2 — в России), 6 — в Латинской Америке и 7 — в Азиатском регионе.

В 2015 г. в списке уже 1061 журнал, из них: 459 выпускаются в США (43%), 484 — в Западной Европе (46%), общая доля Северной Америки и Западной Европы несколько снизилась и составляет 90%. 36 журналов издаются в Восточной Европе (из них 3 — в России), 38 — в Латинской Америке и 13 — в Азии.

Эти цифры наглядно демонстрируют как существенный рост представленности “незападных” направлений, так и уменьшение единообразия в “западном мейнстриме”, диктуемого гегемонией американской психологии. Характерно, что вопрос о том, имеются ли существенные различия между европейской психологической наукой и американской, был одним из основных обсуждаемых на Европейском психологическом конгрессе 2000 года. Журнал “European Psychologist” подготовил к конгрессу специальный номер, в котором были представлены интервью с открытыми вопросами, на которые отвечали 30 известных европейских психологов, как исследователей, так и практиков, из разных стран (среди них был один из России — А.В. Брушлинский). Их просили ответить на шесть вопросов, в том числе вопрос: “Отличается ли и чем европейская психология от американской?”.

Интересно также отметить, что даже в сердце западного мейнстрима, в североамериканской психологии, зародилось и бурно развивается сейчас феминистское направление [29; 39], тоже как своеобразное “протестное” движение, в котором акцентируются особенности психологических разработок, проводимых женщинами-исследователями, отличие этих разработок от доминирующей “мужской” научной традиции.

Если за пределами Европы и Северной Америки в фокусе дискурса становления глобальной психологии находятся проявляющиеся различия в предметной области психологических исследований,

культурное разнообразие людей, описываемых теориями, которое делает очевидным ограниченность применимости западных теорий, то в Европе дискурс сфокусирован на процессах, происходящих в самом научном сообществе, т.е. *субъекте* психологических исследований. Здесь широко разворачиваются *методологические дискуссии*, в которых принимают участие и ученые из других регионов, обсуждаются теоретико-методологические проблемы, вызываемые взаимодействием различных школ. Подобно тому, как авторы IP-теорий отстаивают право своих народов судить о себе по собственным, а не по предлагаемым западными теориями меркам и критериям, а также создавать теории, соответствующие культурным контекстам своих стран, представители “западных” школ, отличающихся от мейнстрима по своим методологическим установкам, отстаивают свои методологические основания. И, вслед за азиатскими и африканскими коллегами, сегодня утверждают, что значительная часть мирового научного сообщества испытывает трудности в попытках интеграции в мировую науку в силу имеющей место дискриминации “инакомыслящих” на ведущих публикационных площадках, на базе которых и формируется глобальная наука.

В целом дискурс глобальной психологии направлен на становление дисциплины, способной адекватно ответить на вызовы времени, способной адекватно отразить психологию человека, живущего в современном мире, где происходит интенсивное взаимодействие культур, неизбежное в эпоху глобальных изменений.

Большое значение приобретает поиск ответа на целый ряд важных вопросов. Что же представляет собой глобальная психологическая наука? Дисциплина ли это со своей предметной областью? Направление ли это исследований в современной психологической науке, например, в социальной психологии?

Представляется, что глобальную науку можно определить как новый этап в развитии психологической науки, порожденный новыми реальностями мира, для описания которых уже не годятся старые теории. Глобальная наука складывается на наших глазах не как новое единое теоретическое течение, но, скорее, как состояние бифуркации, как дивергентное развитие новых и переосмысливаемых старых психологических теорий в попытках дать объяснение новым эмпирическим реалиям и фактам, порождаемым эрой глобальных изменений. Современную эпоху социологи называют новой эпохой модерна, радикально преобразующей мир. Психологическая наука, которая существовала на

³ Цит. по данным сайта SJR.

протяжении XX века, т.е. всего периода, называемого в учебниках истории психологии “периодом развития психологии как самостоятельной науки”, возникла в момент зарождения “старого” модерна, который относится именно к концу 1980-х годов. Новая эмпирическая реальность человеческого бытия, появившаяся в этот период, а не только психофизические исследования Вебера и Фехнера и результаты применения экспериментального метода Вундтом, стали вызовом традиционной психологии, в ответ на который появились новые направления, определившие развитие нашей науки на протяжении XX века. Каждое из этих направлений разработало в дальнейшем свое видение предмета и соответствующий концептуальный аппарат.

Понятие “глобальная психология” вошло в мировой дискурс и интенсивно разрабатывается, начиная с 1990-х годов. В 1996 г. Журнал “Американский психолог” (“American Psychologist”) открыл новую рубрику: “Интернациональные перспективы в психологии” (“International Perspectives in Psychology”). Первый выпуск этой рубрики открывала статья “К глобальной психологии: изменяем теории и практику, навстречу изменяющемуся миру” (“Moving Toward a Global Psychology: Changing Theories and Practice to Meet the Needs of a Changing World”)⁴, в которой отмечались радикальные изменения, произошедшие в мире в 1990-х годах, и ставилась общая цель — двигаться в сторону интернационализации американской психологии, интенсифицировать взаимодействие с зарубежными коллегами и расширять исследования за пределами США.

До настоящего времени сохраняются представленные в статьях этого выпуска две тенденции в понимании содержания, вкладываемого в понятие “глобальная психология” (global psychology). В литературе доминирует представление об этом феномене как психологии универсальной, всемирной (Universal Psychology). Дж. Берри, один из ярких и последовательных сторонников такого понимания глобальной психологии, пишет: “Наш универсалистский взгляд на перспективы развития дисциплины зиждется на утверждении, что основные психические процессы являются общими для всех представителей нашего вида, в то время как их развитие и формы проявления культурно специфичны. Соответственно, наша цель — глобальная психология, которая включает данные об обществах и культурах из всех частей света. Я утверждаю, что разнообразие человеческого поведения должно быть описано и проанализировано, как

основа для выявления общечеловеческих закономерностей” [15, с. 55].

С этой точки зрения, с ходом глобализации предметная область психологии расширяется, включая в себя новые и новые культурные контексты. Глобальный мир видится как широкий набор отдельных культур, которые необходимо включить в рассмотрение и сравнение, чтобы в итоге выявить общечеловеческие качества.

Другой взгляд на суть глобальной психологии, который был представлен в этом же журнале [31], остается менее распространенным. С этой точки зрения, глобальная психология, прежде всего, должна отразить принципиальную новизну процессов, происходящих в человеческом обществе в эпоху глобализации, а также коренные изменения, которые претерпевает социум и культура. Глобальная психология понимается в контексте этого дискурса как психология глобального мирового сообщества (Global Community Psychology). В русле первого подхода делается упор на различии существующих в мире культур, Global Community Psychology фокусируется на общих изменениях образа жизни людей в процессе глобализации. Этот подход близок к дискурсу в социологии по проблеме становления глобальной науки, где в центре внимания — радикальные изменения в самом предмете науки, который представляется непредсказуемым и подвижным [33; 35]. В соответствии с представленными в русле этого подхода теориями, мы живем сегодня в мире, принципиально отличном от реальности, описанной в социологических теориях, созданных в XX веке. Это и делает невозможным адекватное описание современной социальной реальности старыми теориями и методами. Современный социум представляется как открытая, нелинейная и находящаяся в непрерывном движении система, где социологии необходим “космополитический взгляд и способность принять инакость другого” [14, с. 79], противопоставляемый “ложному универсализму”.

В психологическом дискурсе достаточно редко встречаются мнения, призывающие к необходимости учитывать динамические изменения, происходящие в современном мире, в том числе, в самом человеке. Доминирует статическое представление об “универсальном” человеке, “природная” сущность которого остается относительно неизменной в радикально изменяющемся мире.

Таким образом, можно заключить, что в общем контексте глобальных изменений с неизбежностью происходит формирование глобальной психологической науки, отражаясь как в изменениях представлений о предмете (объекте) науки, так

⁴ “American Psychologist”, May, 1996, V. 51, № 5

и в изменениях субъекта науки — мирового научного сообщества. Происходящие изменения включают в себя не только процессы *интеграции*, но и процессы *дифференциации*. В ходе последних подвергаются сомнению представления о человеческой природе, устоявшиеся в мейнстриме второй половине XX века, на основе которых складывались его теории и их методологические основания. То, чему придавался статус общего закона, теперь оценивается как частный случай, один из возможных. В процессе происходящей дифференциации, глобальная психология формируется как *многополюсное сетевое образование*, включающее различные центры.

В то же время, в основе становления глобальной науки закономерно лежат тенденции интеграции, отражающие реальность глобального мира, как в отношении объекта и предмета нашей науки, так и в отношении мирового научного сообщества. Таким образом, формирующаяся глобальная психология предстает как *система дифференцированных, но активно взаимодействующих* научных центров.

По всей видимости, крайне маловероятно, что развитие этой системы приведет к монолитной, “универсальной”, общечеловеческой парадигме. На сегодняшний день декларируемое рядом авторов стремление к “универсальной” общечеловеческой науке не реализуется в конкретных разработках [26]. Тем не менее, в силу сложившегося стереотипа рассматривать человека западной культуры в качестве человека вообще, в западном мейнстриме доминирует тенденция к размыванию границ между социальным и биологическим в человеке. Культура при этом рассматривается как своего рода надстройка над биологией, а единство биологического и социального в человеческой психике — как постоянное раз и навсегда сложившееся и непротиворечивое.

Представляется, что психологам вслед за социологами сегодня необходимо перейти от метафизических представлений и имплицитной веры в неизблемость человеческой природы к пониманию человека, как непрерывно изменяющегося существа. Это обусловлено тем, что культурное начало в человеке — это, прежде всего, способность человека к изменениям, скорость и масштаб которых принципиально отличают его от других живых существ. Человек является животным, однако, это единственное животное, обладающее культурой, т.е. способностью к социокультурным адаптациям, несопоставимо превосходящим по своей скорости прочие виды адаптаций, существующие в природе, и включающие в себя возможность

целенаправленного изменения самого субъекта и среды его обитания.

Вызывает сожаление, что российская психология постсоветского периода во многом сместилась на заимствованные метафизические позиции, оставляя в прошлом радикально иную — и чрезвычайно актуальную, на наш взгляд, сегодня — трактовку биосоциальной проблемы, уникальную теорию биосоциального единства человека, сложившуюся в советской психологии. В основу этой теории заложена традиция понимания социализации как силы, тормозящей “естественное” инстинктивное поведение, а также культуры как силы, выводящей человека за пределы власти законов природы как единственных. Эти идеи звучны актуальному запросу современности [10].

РОССИЙСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

В контексте проблемы формирования глобальной науки положение российской психологии можно назвать уникальным. С одной стороны, оно радикальным образом отличается от положения школ, которые раньше просто не существовали в сложившейся западноцентрической традиции мировой науки, а теперь входят в нее в русле мейнстрима, относясь к “развивающимся” психологиям, в частности, к течениям IP. Российская же школа, как ее описывают в “традиционных” учебниках по истории психологии, начиная с древних греков, всегда была частью мировой науки в ее западноцентрической традиции. В России имеется собственная научная школа, сформировавшаяся в конце XIX — начале XX века, в период, когда формировались основные научные школы Европы и Америки, составившие основу психологической науки XX века. Наша школа внесла существенный вклад в становление мировой психологической науки, оказывала и продолжает оказывать заметное влияние на западные школы. Не следует забывать и то, что относительная изоляция российской советской психологии, которая сложилась с середины 1930-х гг., носила *односторонний* характер. Советские ученые в достаточной степени имели возможность, непосредственно или благодаря обзорным работам, знакомиться с основными вехами в развитии западной науки. Во всяком случае, можно утверждать, что российские ученые знали о западной науке существенно больше, чем западные ученые о российской.

С другой стороны, российская психология не является частью современного западноцентрического мейнстрима. Ее односторонняя изоляция

на протяжении большей части XX века привела к тому, что разработанные у нас во второй половине XX века теории и методология остаются мало известными за пределами России. Особое значение имеет языковой фактор. Не только потому, что большинство российских психологов говорят и пишут только по-русски, но и из-за того, что российская психология, прежде всего ее концептуальный аппарат, сформировалась на основе русского языка, и даже перевод российских текстов на иностранные языки представляется большой проблемой и требует не только знания языков, но и герменевтики применительно к концептуальному аппарату.

Дискурс становления глобальной психологии в российской науке разворачивается медленно, хотя психологические проблемы глобализации обсуждаются в литературе. В середине 2017 г. по запросу в РИНЦ получено 2659 ссылок на работы по проблемам глобализации (тематика “Психология”, журнальные статьи и книги). Присутствуют публикации, начиная лишь с 2006 г. Доминируют работы по педагогике и образованию (их 963 во всей выборке, а среди первых ста по цитируемости публикаций 45 относятся к этой области), что ожидается в контексте проводимых образовательных реформ. Собственно, на проблемах психологии сфокусировано из всей подборки лишь 314 работ. По теме “глобальная психология” поиск в данной подборке публикаций показал только семь ссылок, но и здесь прямое обращение к проблеме становления глобальной науки встречается лишь в одной работе [13].

В двух наших ведущих периодических изданиях, в “Психологическом журнале” и в “Вопросах психологии”, классификатор РИНЦ находит всего восемь работ по теме глобализации, первая из которых опубликована в 2006 г. [6], вторая — в 2007 г. [3], третья — в 2010 [12]. Начиная с 2015 г., статьи появляются ежегодно [5; 7] и лишь в 2017 г. выходит в год сразу три статьи [2; 4; 9].

Если дискурс становления глобальной психологии в зарубежной науке в целом позитивно окрашен благодаря появлению новых научных школ, увеличению их разнообразия и освобождению от необходимости следовать устоявшимся положениям, то в России доминируют другие настроения: в фокусе анализа находятся преимущественно проблемы и риски глобализации.

“Упоение” методологической свободой от воздействия советской идеологии и бурное дивергентное развитие растущего в геометрической прогрессии профессионального сообщества,

наблюдавшееся в постсоветский период, быстро закончилось. Завершились и острые методологические дискуссии начала 2000-х годов. С перерывами стал выходить журнал “Методология и история психологии”, возродившийся лишь в настоящее время. Не регулярно издаются труды Ярославского методологического семинара. На этом фоне важно отметить, что в Институте психологии РАН сохранилась издательская серия “Методология, теория и история психологии”, а в “Психологическом журнале” по-прежнему публикуются статьи в рубрике “Методологические и теоретические проблемы психологии”. Сегодня доминирует стремление к снятию противоречий и общей интеграции русскоязычного профессионального сообщества. Представляется, что соотечественники сплотились, отчасти, перед лицом той же глобализации как некоторой внешней угрозы. Тенденции глобализации в жизни мирового сообщества, необходимость входить в пространство мировой психологической науки, диктуемая государственной стратегией обязательно публиковаться в международных журналах и т.п., воспринимаются российским психологическим сообществом скорее как препятствия и риски, чем как открытие новых перспектив [32].

Немаловажную роль в этом играет то, что в коллективном сознании российского профессионального сообщества формирующаяся глобальная наука предстает как достаточно монолитная “универсальная” парадигма, в догматической и жесткой форме диктующая нам неприемлемые для нас как представления о человеке, так и методологию и теорию его изучения. Представление о данной парадигме, предположительно, строится по образу и подобию однополюсного мейнстрима “зарубежной” науки периода “холодной войны”, с которой традиционно дискутировали советские ученые.

Это представление достаточно далеко от действительности. Как в зарубежном научном сообществе, так и в российском, есть ученые, которые верят в существование “общечеловеческих” психических свойств, не зависящих от культуры (иными словами, биологических), и, соответственно, в возможность существования “универсальных” психологических теорий и методов их изучения. Но реальная жизнь доказывает все-таки несостоятельность таких представлений. Глобальная психологическая наука, формирование которой с неизбежностью происходит в процессе мировой глобализации, формируется как *сеть* различных по своим теоретико-методологическим основаниям, но активно взаимодействующих центров, что открывает новые возможности

для совместного научного творчества [5]. В некоторой степени можно согласиться с Данzigerом [17] в том, что он уподобляет современное многополюсное состояние психологии тому, каким оно было в период ее формирования как науки. Но если период дискуссий между научными школами в 1930-е годы закончился в силу общих исторических особенностей того времени, современный период и глобальный мир требуют развития диалога, налаживания сотрудничества, особенно в условиях глобальных угроз, которые сегодня испытывает человечество в целом.

В сети глобальной науки российская психология является востребованным участником, который может занять в ней достойное место, обладая прежде всего серьезным теоретико-методологическим базисом и знанием психологических особенностей многомиллионного народа. Вместе с тем российская психология может и должна сохранить свою особость, специфичность, потому что именно благодаря своей уникальности, она во многом может быть интересна и полезна, а значит — востребована. Здесь уместно вспомнить одну из закономерностей социальной психологии, в соответствии с которой в процессе группового взаимодействия по мере становления общности, растет как интеграция группы, т.е. сближение участников по ряду характеристик, так и дифференциация, в ходе которой каждый ее член выполняет свою специфическую роль.

Важно отметить, что отказ от изоляционистских тенденций, активное участие в диалоге, развитие сотрудничества и интеграция сегодня представляются необходимыми для развития самой отечественной науки. Можно согласиться с утверждением, что “Сегодня позиция автаркии (самодостаточности) и квазипатриотизма российской науки не просто бесперспективна в силу отсутствия необходимых для этого у современной России огромных материальных и финансовых средств. Такая стратегия губительна, так как в силу своей иллюзорности приведет к полной растрате даже тех возможностей, которыми пока еще располагает отечественная наука” [8, с. 147–148]. Необходимо активная работа профессионального сообщества в этом направлении. Надеяться на то, что кто-то сделает ее за нас, что интернациональное сообщество будет массово изучать русский язык, чтобы читать наших авторов, нереалистично. Достаточно сравнить масштабы проводимых сегодня во всем мире психологических исследований, материальные и финансовые ресурсы, вкладываемые в психологические исследования во всем мире, и возможности в этом направлении российских

психологов, чтобы реально оценить вклад российской психологии в современную мировую науку и динамику ее развития.

Однако нет оснований думать, что наше движение к интернациональному профессиональному сообществу не будет поддержано зарубежными коллегами, что современная российская психология не интересна мировому сообществу. Известный политический деятель США, Генри Киссинджер в 1989 г. в газете “Вашингтон пост” писал: “Для меня остается тайной, как, на первый взгляд, апатичные люди за каких-то четыре столетия от непроходимых равнин вокруг Москвы дошли до Эльбы на Западе и до Владивостока на Тихом океане, покрыв расстояние в шесть тысяч миль, как они достигли статуса сверхдержавы и на протяжении большей части нынешнего столетия приковывали к себе внимание всего мира. И тем не менее так было на протяжении всей истории. Необычайную отсталость России отмечали все наблюдатели лишь для того, чтобы их мнения были опровергнуты небывалыми успехами, достигнутыми за счет неожиданного сочетания энергии, дисциплины и героизма” (Цит. по: Корионов В. “Они цементировали крепость...” // Правда. 1993. 12 августа).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В глобальном мире с неизбежностью происходит формирование глобальной науки, что предполагает как формирование новых объектов и предметов исследований, так и изменение совокупного субъекта исследовательской деятельности — мирового научного сообщества. Понятие “глобальная психология” вошло в мировой дискурс и интенсивно разрабатывается, начиная с 1990-х годов. В целом дискурс глобальной психологии направлен на становление дисциплины, способной адекватно ответить на вызовы времени, адекватно отразить психологию человека, живущего в современном мире, где происходит интенсивное взаимодействие культур, неизбежное в эпоху глобализации. Становление глобальной психологической науки включает не только процессы интеграции, но и процессы дифференциации, когда подвергаются сомнению устоявшиеся в мейнстриме, сложившемся во второй половине XX века, представления о человеческой природе, на основе которых складывались теории мейнстрима и их методологические основания. То, чему придавался статус общего закона, теперь оценивается как конкретный случай, один из разных возможных.

Для психологии движение к глобализации в существенной степени оказалось окрашенным

“протестными” тенденциями сопротивления гегемонии по-разному протекающего в различных регионах западнцентрического мейнстрима, в котором после Второй мировой войны доминировала американская традиция.

В азиатском регионе и в странах Африки основной формой движения в данном направлении стало развитие так называемых “туземных” психологий (Indigenous Psychologies (IPs) или Indigenized Psychologies (IZPs)). Основным аргументом авторов, разрабатывающих IPs, стало несоответствие западных теорий реальности жизни на местах, непригодность этих теорий для объяснения и прогнозирования поведения и деятельности местного населения, что свидетельствует о необходимости рассматривать психологические проблемы в контексте культуры той общности, к которой человек принадлежит, в контексте реального бытия в конкретном социуме.

Если за пределами Европы и Северной Америки в фокусе дискурса становления глобальной психологии находятся проявляющиеся различия в предметной области психологических исследований, культурное разнообразие описываемых теориями людей, которое делает очевидным ограниченность применимости западных теорий, то коренящийся в Европе дискурс глобальной психологии фокусирован на процессах, происходящих в самом научном сообществе, на характеристиках растущего разнообразия субъекта психологических исследований. Здесь широко разворачиваются методологические дискуссии, в которых принимают участие и ученые из других регионов, обсуждаются теоретико-методологические проблемы, вытекающие из взаимодействия различных школ.

Глобальная психология формируется как многополюсное сетевое образование, включающее весьма различающиеся центры. Ведущей чертой глобализации становится возникновение многополюсной мировой системы и рост культурного разнообразия. Представляется, что глобальную науку можно определить как новый этап в развитии психологической науки, порожденный новой реальностью мира, для описания которой не совсем годятся старые теории. Глобальная наука складывается на наших глазах не как новое единое теоретическое течение, но, скорее, как состояние бифуркации, как дивергентное развитие новых и переосмысляемых старых психологических теорий в попытках дать объяснение возникающим эмпирическим реалиям и фактам, порождаемым развитием современного мира.

Если дискурс становления глобальной психологии в зарубежной науке в целом позитивно окрашен благодаря появлению новых научных школ, росту разнообразия и освобождению от необходимости следовать устаревшим теоретическим положениям, то в России доминируют настроения, порождаемые проблемами и рисками самой глобализации.

Вызывает сожаление, что тенденции универсализации в жизни мирового сообщества, необходимость входить в пространство мировой психологической науки, вступать в диалог с коллегами, публиковаться в международных журналах, восприниматься российским психологическим сообществом скорее как риски и угрозы, чем как открытие новых перспектив. Отказ от изоляционистских тенденций, активное участие в диалоге, развитие сотрудничества и интеграция на новом этапе развития мировой науки представляются необходимыми. В сети глобальной науки российская психология может занять достойное место, обладая серьезным теоретико-методологическим базисом и знанием психологических особенностей одного из крупнейших современных обществ. Вместе с тем, во взаимодействии с другими школами, российская психология может и должна сохранить свою особость, специфичность, потому что именно этой уникальностью она во многом может быть интересна и полезна, а значит — востребована в мировом сообществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968.
2. *Гостев А.А.* Психологические аспекты изучения глобальной манипуляции // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 4. С. 17–28.
3. *Дикая Л.Г.* Актуальные проблемы и перспективы исследований в психологии труда в условиях глобализации // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 3. С. 29–44.
4. *Журавлев А.Л., Занковский А.Н.* Тенденции развития организационной психологии // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 2. С. 77–88.
5. *Журавлев А.Л., Нестик Т.А.* Психологические особенности коллективного творчества в сетевых сообществах // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 2. С. 19–28.
6. *Кольцова В.А., Нестик Т.А., Соснин В.А.* Психологическая наука в борьбе за мир: задачи и направления исследований // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 5. С. 5–15.

7. Корнилова Т.В. Интернациональность психологии versus “национальные психологии” // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 3. С. 91–99.
8. Лебедев С.А. Наука в глобальном мире // Век глобализации. 2012. № 2. С. 145–151.
9. МIRONENKO И.А. От прогноза – к форсайту будущего российской психологии // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 3. С. 119–123.
10. МIRONENKO И.А. Российская психология в пространстве мировой науки. СПб.: Нестор-История, 2015. 304 с.
11. Петренко В.Ф. Многополярная культура единого человечества // Век глобализации. 2016. № 1–2. С. 126–132.
12. ЮРЕВИЧ А.В. Российская психология в мировом мейнстриме // Вопросы психологии. 2010. № 1. С. 3–14.
13. ЮРЕВИЧ А.В., ЦАПЕНКО И.П. Глобализация российской науки // Вестник Российской академии наук. 2005. Т. 75. № 12. С. 1098–1106.
14. Beck U., Sznaider N. Unpacking cosmopolitanism for the social sciences: a research agenda // British Journal of Sociology. 2006. V. 57. P. 1–23.
15. Berry J.W. Achieving a Global Psychology // Canadian Psychology / Psychologie canadienne. 2013. V. 54. № 1. P. 55–61.
16. Cole M. Internationalism in psychology: We need it now more than ever // American Psychologist. 2006. V. 61. P. 904–917.
17. Danziger K. Does the history of psychology have a future? // Theory & Psychology. 1994. V. 4. P. 467–484.
18. Danziger K. Universalism and indigenization in the history of modern psychology. // Internationalizing the history of psychology / A.C. Brock (Ed.). New York: University of New York Press, 2006. P. 208–225.
19. Enriquez V.G. Developing a Filipino psychology // Indigenous psychologies: Research and experience in cultural context / U. Kim, & J.W. Berry (Eds.). Newbury Park, CA: Sage, 1993. P. 152–169.
20. Georgas & Mylonas. Cultures are like all other cultures, like some other cultures, like no other culture // Indigenous and cultural psychology: Understanding people in context. / U. Kim, K.S. Young, & K.-K. Hwang (Eds.). New York: Springer, 2006. P. 197–221.
21. Gergen K.J. Culturally inclusive psychology from a constructionist standpoint // Journal for the Theory of Social Behaviour. 2015. V. 45(1). P. 94–106.
22. Desiree V., J. Lasser, C. Plotts. Global migration: The need for culturally competent school psychologists // School Psychology International. 2015. V. 36(4). P. 358–374.
23. Ho D.Y.F. Indigenous psychologies: Asian perspectives // Journal of Cross-Cultural Psychology. 1998. V. 29. P. 88–103.
24. Hwang K.K. Culture-inclusive theories of self and social interaction: The approach of multiple philosophical paradigms // Journal for the Theory of Social Behaviour. 2015. V. 45(1). P. 39–62.
25. Hwang K.K. The rise of indigenous psychologies: In response to Jahoda’s criticism // Culture & Psychology. 2016. P. 1–15.
26. Jahoda G. On the rise and decline of “indigenous psychology” // Culture & Psychology. 2016. Vol. 22(2). P. 169–181.
27. Kim U., & Berry J.W. Indigenous psychologies: Research and experience in cultural context. Newbury Park. CA: Sage, 1993.
28. Indigenous and cultural psychology: Understanding people in context / Kim, U., Yang, K. S., & Hwang, K.-K. (Eds.). New York: Springer, 2006.
29. Lykes M.B., Moane G. Editors’ Introduction: Whither Feminist Liberation Psychology? Critical Explorations of Feminist and Liberation Psychologies for a Globalizing World // Feminism & Psychology, Special Issue Sage (Los Angeles, London, New Delhi, Singapore and Washington DC). 2009. V. 19(3). P. 283–297; 0959–3535.
30. Marsella A.J. All psychologies are indigenous psychologies: Reflections on psychology in a global era. Retrieved from apa.org/international/pi/2013/12/reflections.aspx.
31. Mays V.M., Rubin J., Sabourin M., Walker L.. Moving Toward a Global Psychology // American Psychologist. 1996. V. 51. № 5. P. 485–487.
32. MIRONENKO I.A. Integrative and isolationist tendencies in contemporary Russian psychological science // Psychology in Russia: State of the Art. V. 7, V. 2. 2014. P. 4–13.
33. MIRONENKO I.A., Sorokin P.S. Culture in Psychology: perennial problems and contemporary methodological crisis // Psychology in Russia: State of the Art. 2015. № 4. P. 35–45.
34. Rosa A. Acts of psyche // Cambridge handbook of socio-cultural psychology / J. Valsiner & A. Rosa (Eds.). New York: Cambridge University Press, 2007. P. 205–236.
35. Sorokin P. “Global sociology” in different disciplinary practices: Current conditions, problems and perspectives // Current Sociology. 2016. V. 64. № 1. P. 41–59.
36. Sundararajan L. The Chinese Notions of Harmony, With Special Focus on Implications for Cross-Cultural and Global Psychology // The Humanistic Psychologist. 2013. V. 41. P. 25–34.
37. Todes D.P. Darwin without Malthus: The Struggle for Existence in Russian Evolutionary Thought. NY: Oxford University Press, 1989.
38. Toomela A. Modern mainstream psychology is the best? Noncumulative, historically blind, fragmented, atheoretical // Methodological thinking in psychology: 60 years gone astray? / A. Toomela & J. Valsiner (Eds.).

- Charlotte, NC: Information Age Publishing, 2010. P. 1–26.
39. Unger R. Resisting Gender: Twenty-Five Years of Feminist Psychology. London: Sage, 1998.
40. Valsiner J. Integrating Psychology within the Globalizing World: A Requiem to the Post-Modernist Experiment with Wissenschaft // Integrative Psychological and Behavioral Science, March 2009. V. 43(1). P. 1–21.
41. Valsiner J. A guided science: history of psychology in the mirror of its making. New Jersey, New Brunswick: Transaction Publishers, 2012.
42. Valsiner J. Between Self and Societies: Creating Psychology in a New Key. Tallinn: TLU Press, 2017.
43. Yang K.-S. Monocultural and cross-cultural indigenous approaches: The royal road to the development of a balanced global psychology // Asian Journal of Social Psychology, 2000. V. 3. P. 241–263.

PSYCHOLOGICAL SCIENCE IN THE GLOBAL WORLD: CHALLENGES AND PROSPECTS¹⁾

A. L. Zhuravlev^{1,*}, I. A. Mironenko^{2,**}, A. V. Yurevich^{1,***}

¹*Federal State-financed Establishment of Science Institute of psychology of RAS;
129366, Moscow, Yaroslavskaya st., 13, Russia*

²*St. Petersburg State University; 199034, Saint-Petersburg, Universitetskaya Nab. St., 7–9, Russia*
*Academician of the Russian Academy of Sciences, scientific supervisor of Institute of Psychology of RAS.
E-mail: adm3@psychol.ras.ru

**Sc.D. (psychology), Professor of the Department of Psychology.
E-mail: mironenko.irinal@gmail.com

***Corresponding Member of RAS, Sc.D. (psychology), deputy director of Institute of Psychology RAS.
E-mail: av.yurevich@mail.ru

Received 13.11.2017

Abstract. In the era of globalization, the formation of a global science inevitably takes place, which presupposes both general renovation of the domain of psychology, new objects of research, as well as changes of the subject of the research activity – the international scientific community. The concept of “global psychology” appeared in the international discourse and is being intensively developed since the 1990s. The formation of global psychological science determines not only processes of integration, but also processes of differentiation in science, so that theoretical models of human nature that have been firmly rooted in the mainstream in the second half of the twentieth century are now being called in question as well as methodological foundations of these theories. Global psychology is formed as a multipolar network, including very different centers, it appears not as a new integrate theoretical trend, but rather as a bifurcation reaction, as a divergent development of new and reinterpreted old psychological theories in an attempt to explain the new empirical realities generated by the era of globalization. It seems that global science can be defined as a new stage in the development of psychological science, generated by the new reality of the world, for the description of which the old theories are no longer suitable.

The discourse of global psychology is aimed at the formation of a discipline that can adequately respond to the challenges of the time, reflect the psyche of contemporary human being, who is living in the global world in the midst of intensive interaction of cultures. In the international science the discourse is generally positive and marked with the spirit of emergence of new schools and growth of diversity, of the liberation from the outdated dogmas. For the Russian psychological science it seems apropos to renounce isolationist tendencies, to participate in the dialogue, develop cooperation and integrate into the new stage in the development of psychological science. In the network of the global science, Russian psychology can take a worthy place, possessing a serious theoretical and methodological basis and knowledge of psychological characteristics of a multimillion people. At the same time, Russian psychology can and should preserve its unique character, its specificity, because it is by this uniqueness that it can be of interest and in demand for the international scientific community.

Keywords: global psychology; “Indigenous Psychologies” (IPs); novelty of the domain of psychology research in the global world; scientific psychological community; integration and differentiation of the international science; Russian psychology in the context of global science.

¹⁾ This work was supported by RFH, grant #17-06-50086 “Academical integration in the context of global psychology development: challenges and perspectives”.

REFERENCES

1. *Anan'ev B.G.* Chelovek kak predmet poznaniya. L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1968. (in Russian)
2. *Gostev A.A.* Psihologicheskie aspekty izuchenija global'noj manipulacii // Psihologicheskij zhurnal. 2017. T. 38. № 4. P. 17–28. (in Russian)
3. *Dikaja L.G.* Aktual'nye problemy i perspektivy issledovanij v psihologii truda v uslovijah globalizacii // Psihologicheskij zhurnal. 2007. T. 28. № 3. P. 29–44. (in Russian)
4. *Zhuravlev A.L., Zankovskij A.N.* Tendencii razvitiya organizacionnoj psihologii // Psihologicheskij zhurnal. 2017. T. 38. № 2. P. 77–88. (in Russian)
5. *Zhuravlev A.L., Nestik T.A.* Psihologicheskie osobennosti kollektivnogo tvorchestva v setevyh soobshhestvah // Psihologicheskij zhurnal. 2016. T. 37. № 2. P. 19–28. (in Russian)
6. *Kol'cova V.A., Nestik T.A., Sosnin V.A.* Psihologicheskaja nauka v bor'be za mir: zadachi i napravlenija issledovanij // Psihologicheskij zhurnal. 2006. T. 27. № 5. P. 5–15. (in Russian)
7. *Kornilova T.V.* Internacional'nost' psihologii versus "nacional'nye psihologii" // Psihologicheskij zhurnal. 2015. T. 36. № 3. P. 91–99. (in Russian)
8. *Lebedev S.A.* Nauka v global'nom mire // Vek globalizacii. 2012. № 2. P. 145–151. (in Russian)
9. *Mironenko I.A.* Ot prognoza – k forsajtu budushhego rossijskoj psihologii // Psihologicheskij zhurnal. 2017. T. 38. № 3. P. 119–123. (in Russian)
10. *Mironenko I.A.* Rossijskaja psihologija v prostranstve mirovoj nauki. St.-Petersburg.: Nestor-Istorija. 2015. P. 304 (in Russian)
11. *Petrenko V.F.* Mnogopoljarnaja kul'tura edinogo chelovechestva // Vek globalizacii. 2016. № 1–2. P. 126–132. (in Russian)
12. *Jurevich A.V.* Rossijskaja psihologija v mirovom mejnstrime // Voprosy psihologii. 2010. № 1. P. 3–14. (in Russian)
13. *Jurevich A.V., Capenko I.P.* Globalizacija rossijskoj nauki // Vestnik Rossijskoj akademii nauk. 2005. T. 75. № 12. P. 1098–1106. (in Russian)
14. *Beck U., Sznaider N.* Unpacking cosmopolitanism for the social sciences: a research agenda // British Journal of Sociology. 2006. V. 57. P. 1–23.
15. *Berry J.W.* Achieving a Global Psychology // Canadian Psychology / Psychologie canadienne. 2013. V. 54. № 1. P. 55–61.
16. *Cole M.* Internationalism in psychology: We need it now more than ever // American Psychologist. 2006. V. 61. P. 904–917.
17. *Danziger K.* Does the history of psychology have a future? // Theory & Psychology. 1994. V. 4. P. 467–484.
18. *Danziger K.* Universalism and indigenization in the history of modern psychology. // Internationalizing the history of psychology / A.C. Brock (Ed.). New York: University of New York Press, 2006. P. 208–225.
19. *Enriquez V.G.* Developing a Filipino psychology // Indigenous psychologies: Research and experience in cultural context / U. Kim, & J.W. Berry (Eds.). Newbury Park, CA: Sage, 1993. P. 152–169.
20. *Georgas & Mylonas.* Cultures are like all other cultures, like some other cultures, like no other culture // Indigenous and cultural psychology: Understanding people in context. / U. Kim, K.S. Young, & K.-K. Hwang (Eds.). New York: Springer, 2006. P. 197–221.
21. *Gergen K.J.* Culturally inclusive psychology from a constructionist standpoint // Journal for the Theory of Social Behaviour. 2015. V. 45(1). P. 94–106.
22. *Desiree' V., J. Lasser, C. Plotts.* Global migration: The need for culturally competent school psychologists // School Psychology International. 2015. V. 36(4) P. 358–374
23. *Ho D.Y.F.* Indigenous psychologies: Asian perspectives // Journal of Cross-Cultural Psychology. 1998. V. 29. P. 88–103.
24. *Hwang K.K.* Culture-inclusive theories of self and social interaction: The approach of multiple philosophical paradigms // Journal for the Theory of Social Behaviour. 2015. V. 45(1). P. 39–62.
25. *Hwang K.K.* The rise of indigenous psychologies: In response to Jahoda's criticism // Culture & Psychology. 2016. P. 1–15.
26. *Jahoda G.* On the rise and decline of "indigenous psychology" // Culture & Psychology. 2016. Vol. 22(2). P. 169–181.
27. *Kim U., & Berry J.W.* Indigenous psychologies: Research and experience in cultural context. Newbury Park. CA: Sage, 1993.
28. Indigenous and cultural psychology: Understanding people in context / Kim, U., Yang, K. S., & Hwang, K.-K. (Eds.). New York: Springer, 2006.
29. *Lykes M.B., Moane G.* Editors' Introduction: Whither Feminist Liberation Psychology? Critical Explorations of Feminist and Liberation Psychologies for a Globalizing World // Feminism & Psychology, Special Issue Sage (Los Angeles, London, New Delhi, Singapore and Washington DC). 2009. V. 19(3). P. 283–297; 0959–3535.
30. *Marsella A.J.* All psychologies are indigenous psychologies: Reflections on psychology in a global era. Retrieved from apa.org/international/pi/2013/12/reflections.aspx.
31. *Mays V.M., Rubin J., Sabourin M., Walker L.* Moving Toward a Global Psychology // American Psychologist. 1996. V. 51. N5. P. 485–487.
32. *Mironenko I.A.* Integrative and isolationist tendencies in contemporary Russian psychological science // Psychology in Russia: State of the Art. V. 7, V. 2. 2014. P. 4–13.
33. *Mironenko I.A., Sorokin P.S.* Culture in Psychology: perennial problems and contemporary methodological crisis // Psychology in Russia: State of the Art. 2015. № 4. P. 35–45.
34. *Rosa A.* Acts of psyche // Cambridge handbook of socio-cultural psychology / J. Valsiner & A. Rosa (Eds.). New York: Cambridge University Press, 2007. P. 205–236.
35. *Sorokin P.* "Global sociology" in different disciplinary practices: Current conditions, problems and perspectives // Current Sociology. 2016. V. 64. № 1. P. 41–59.
36. *Sundararajan L.* The Chinese Notions of Harmony, With Special Focus on Implications for Cross-Cultural and Global Psychology // The Humanistic Psychologist, 2013. V. 41. P. 25–34.

37. *Todes D.P.* Darwin without Malthus: The Struggle for Existence in Russian Evolutionary Thought. NY: Oxford University Press, 1989.
38. *Toomela A.* Modern mainstream psychology is the best? Non-cumulative, historically blind, fragmented, atheoretical // Methodological thinking in psychology: 60 years gone astray? / A. Toomela & J. Valsiner (Eds.). Charlotte, NC: Information Age Publishing, 2010. P. 1–26.
39. *Unger R.* Resisting Gender: Twenty-Five Years of Feminist Psychology. London: Sage, 1998.
40. *Valsiner J.* Integrating Psychology within the Globalizing World: A Requiem to the Post-Modernist Experiment with Wissenschaft // Integrative Psychological and Behavioral Science, March 2009. V. 43(1). P. 1–21.
41. *Valsiner J.* A guided science: history of psychology in the mirror of its making. New Jersey, New Brunswick: Transaction Publishers, 2012.
42. *Valsiner J.* Between Self and Societies: Creating Psychology in a New Key. Tallinn: TLU Press, 2017.
43. *Yang K.-S.* Monocultural and cross-cultural indigenous approaches: The royal road to the development of a balanced global psychology // Asian Journal of Social Psychology, 2000. V. 3. P. 241–263.